

А.В. Головнёв. Феномен колонизации.
Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

DOI: 10.7868/S0869587317020128

В соответствии с существующим заблуждением колонизацию нередко путают с колониализмом, и по этой причине учёные и политики часто испытывают некоторое неудобство при использовании этого термина. В отношении других стран и регионов говорить о колонизации как бы позволительно, но когда дело касается России, в ход идут разные эвфемизмы типа “освоение новых земель”, “добровольное вхождение” и т.п. Это в большей степени свойственно историкам и политологам. Что касается антропологов-этнологов, для которых любая периферия — это центр их внимания, то здесь ситуация несколько иная, и именно её основательно проанализировал в своей фундаментальной монографии член-корреспондент РАН А.В. Головнёв.

Мастерство антрополога состоит в необычном прочтении и осознании обычных, казалось бы, примелькавшихся явлений. Это относится и к феномену колонизации, которая в антропологическом ракурсе предстаёт не просто событийным рядом эпохи древнегреческих полисов или западноевропейских конкистадоров, но и универсальным свойством эволюции человека и даже индивидуальных стратегий, проявляясь как в глобальных событиях вроде миграционно-колонизационных движений, так и в обыденной жизни, например, в “колонизации” детьми в своих играх доступного пространства дома и улицы.

Рецензируемая книга представляет собой продолжение монографии А.В. Головнёва “Антропология движения”, автор рассматривает в ней многообразие феномена колонизации, исходя из тезиса, что колонизация есть всеобщее явление в живой природе, но человек более других живых существ преуспел в ней, освоив всю планету и сохранив при этом своё биологическое единство. Начинается книга с утверждения, что колонизация как пространственное движение живой материи многократно старше человечества и представляет собой механизм распространения жизни в природе и культур в ойкумене. Истоки феномена колонизации уходят за пределы человеческого рода, и механизм движения достался человеку от природы. В этом смысле не человек породил колонизацию, а колонизация — человека. Сложными стратегиями движения-колонизации и ком-

муникации объясняется многоликость рода *sapiens*.

Универсальность колонизации в истории оттеняет тот факт, что “отец истории” Геродот был свидетелем, теоретиком и практиком эллинской колонизации. В его повествовании, как и в других греческих текстах (например, в “Одиссее”), практика колонизации представляется повседневной и актуальной. Греки разработали нормы и ритуалы колонизации, систему этики взаимоотношений метрополии и дочерних полисов и специальные знания: призвание логографа, коим был Геродот, состояло во многом в практическом народоведении, изучении народов и контактов между ними, истории и судьбы эллинских колоний в разных концах ойкумены. В полисной модели метрополия создавала сеть дочерних полисов-колоний, которые нередко сами превращались в метрополии (например, Афины — “мать метрополий”, в том числе “матери колоний” Милета).

Безусловный интерес представляет колонизационный “репертуар кочевника”, то есть сюжеты колонизации в практике средневековых кочевых обществ. Мобильные группы чаще и дольше, чем оседлые, находятся в тонусе мобилизации, у них вырабатываются специфические пространственные технологии. Кочевой стиль предполагает охват большого пространства, в котором происходит передвижение не только кочевников, но и оседлых жителей по воле кочевников. Кочевник непринуждённо преодолевает границы и превращается из посетителя в покорителя. Там, где пространства кочевых и оседлых культур пересекаются, возникают варианты симбиоза, в котором кочевник выступает мобильной силой, земледелец — кормящей культурой. В истории кочевников орда играет роль метрополии, подчиняющей и объединяющей оседлые селения. Кочевник пробивает пути и выступает на первых порах успешным колонизатором, но вскоре на авансцену колонизации выходит переселенец-земледелец, более успешный в практике долговременного освоения пространства и выживания.

Из европейских опытов колонизации автор книги уделяет особое внимание португальскому колонизационному проекту и превращению Британии из колонии в мировую метрополию. По его

наблюдению, всем странам довелось побывать колониями. Рано или поздно завоевание оборачивается отвоёвыванием, в чём выражается эффект реконкисты, которая иногда превращается в очередную конкисту и ведёт к созданию империи. Опыт Португалии, “падчерицы Европы”, показывает головокружительный взлёт от провинциального графства до мировой державы. Португальская реконкиста по-своему продолжала арабскую конкисту, а “проект дона Энрике” превратил иберийскую реконкисту в глобальную колонизацию. История Великобритании даёт пример преобразования многократной колонии (римлян, англосаксов, норманнов, нормандцев) в мощную метрополию. На островах происходило не только притеснение побеждённых, но и накопление победителей, а рождение Британской империи во многом связано с успехами пиратской морской вольницы. Освоение колоний сопровождалось бумом индустрии рабства, в котором более всех преуспели свободолюбивые британцы. Идея христианской исключительности и проистекающего из неё права на покорение других народов, равно как виртуозное мастерство европейцев в придании своим действиям статуса закона, разделили планету на колонизаторов и колонизируемых. С папских булл 1481 и 1506 гг. о разделе сфер влияния в мире между Испанией и Португалией колонизация обретает черты колониализма.

Крайне интригующими выглядят почти историко-философские рассуждения автора о “силовых линиях” формирования Руси. Продолжая традицию В.О. Ключевского и М.К. Любавского, автор видит в колонизации ключ к пониманию истории Руси. Скандинавский очаг “нордизма” обозначился ещё в древности (неолите) и ярко проявился в эпоху викингов. Начало Руси связано с появлением в Балто-Понтийском междуморье форпоста норд-колонизации — Ладоги. Норманнская магистральная колонизация была одновременно славянской локальной колонизацией — славяне выступали в роли спутников и хозяйственных колонистов. В стиле, близком к грекополисному, северные колонии легко множились и порождали свои подобия, тем самым превращаясь в метрополию. Деятельностная схема новгородца состояла в формировании сети партнёрства — Новгород создавал колонии по своему подобию. Эта колониальная сеть обладала свойством цикличности: новгородцы строили свои погосты в дальних землях, а переселенцы из дальних земель прибывали в Новгород. В этом колониальном круговороте Новгород был сборной колонией Новгородской земли, а Новгородская земля — сетью колоний Новгорода.

“Ордиизм” тоже проявляется с древности на пограничье леса и степи. Сценарий оседания кочевников в южнорусских лесах повторялся из века в век. Обороняя свои военно-ясачные владе-

ния от других орд, кочевники становились их стражами, заключали с местной элитой брачные и военные союзы, вживались в оседлую среду и культуру. Монголы не оккупировали Русь, но покорили её посредством регулярных набегов и “приручения” знати: Орда Батыева превратилась в метрополию южной и восточной Руси, а Русь — в ханский улус. Усмиренная русская знать обретала ордынскую выучку и миссию служения хану. Ордынская колонизация Руси изначально шла вне Руси, в Орде, в форме “приручения князей”, а через них (вместе с ярлыками и баскаками) распространялась на Русь. Со временем ордиизм преобразовался из кочевого в чиновничий. Центром ордиизма на Руси стала Москва как политический и географический форпост Орды (к ней вели “Батыевы шляхи”). К середине XV в. начался новый этап ордынской колонизации, когда ханы и царевичи разных орд, теряя силу и власть, приходили на Русь не завоёвывать, а жить и служить. Москва наполнялась ордиизмом не только через политическое влияние, но и через физическое переселение ханов и орд. В пределах Московского княжества возникло Касимовское ханство, ставшее не только оборонительным щитом Московии, но и ключом к новой дипломатии. Обосновавшиеся в Московском княжестве татарские царевичи сыграли решающую роль в рокировке метрополия—колония между Ордой и Москвой. Ордиизм соответствует типу властной или административной колонизации, ассоциируемой в российской традиции с имперскостью и культом правителя.

Если введённые автором термины “ордиизм” и “нордиизм” относятся прежде всего к евразийскому направлению, то третья силовая линия отечественной колонизации — “понттизм”, или теополитика, то есть религиозное движение идей и людей, которое обычно не называют колонизацией. Между тем, как показывает русская история, в этом движении было всё, что характеризует феномен колонизации: переселение греков на Русь, плата дани метрополии, управление религиозной колонией. Обнаруживаются и свойственные колонизации явления вроде религиозной реконкисты и преобразования колонии в метрополию. Понятие “понттизм” (от Понт — Чёрное море) обозначает путь, по которому на Русь пришло христианство, а также связанную с ним теополитику (политика “от бога”). Наименование Киева “матерью городов русских” связано не с рождением Руси, а с её крещением. Киев, если угодно, — “крёстная мать” (или отец) Руси. Идеологема “Киевская Русь” — эффект понттизма в двух смыслах: как доктрина югоцентризма и как теополитика христианства. Понтийская магистраль была не только руслом греческой религии, но и генератором русско-христианской мифологии. По ней на Русь передалась идеологема Царьграда как нового Иерусалима и нового Рима, Киева как ново-

го Царьграда, из которой произросли идеи “Русь – новый Израиль”, “Москва – новый Иерусалим”, “Москва – третий Рим”.

За редкими исключениями, вроде митрополита Илариона, церковными иерархами на Руси были греки. Чужеземная отстранённость греков-иерархов позволяла им “по воле божьей” освящать власть, в согласии с которой проводилась христианизация. В ордынскую эпоху церковь, обладавшая монополией на идею “царства”, освятила господство хана. В русских церквях стали молиться за царя Батюя (позднее и за других ханов-царей), а в Сарае была создана православная епархия. Ослабление Орды облегчило московским князьям и митрополитам отречение от ордызма в пользу понтизма. Миф о царстве, дополненный женитьбой Ивана III на Софье Палеолог, сыграл ключевую роль в самоопределении Москвы. После заключения Флорентийской унии и падения Константинополя Русь, долго бывшая религиозной колонией Византии, обрела статус духовной метрополии, утверждённый в конце XVI в. учреждением Московской патриархии.

Синтез силовых линий отечественной колонизации выразился в эффекте “прирастания России” за счёт её окраин. На Руси окраины (украины) нередко противопоставлялись столице и служили местом сбора разбойной вольницы — казаков. По своей природе казачество было эхом ордызма с его культом войны, разбоя и воли атаманов. Казаки могли служить нескольким правителям сразу, меняя союзников и противников, и в этом выражалась не шаткость взглядов, а образ пограничной жизни. В порубежной колонизации привлечение на свою сторону воинов-разбойников играло роль “вспашки” чужих границ, после чего государевы люди обустроивали там свой порядок. В Поле, где сталкивались вольные и служилые казаки, русская военная колонизация продвигалась на юг вдоль татарских шляхов как “экспансия обороны” силами казачьих станиц и острогов. В Смуту начала XVII в. экспансия казаков повернула вспять, и “живая граница” захлестнула столицу.

Поморов от других русских отличает морская культура, основанная на мореходстве и морских промыслах. Поражение от Москвы побудило часть новгородцев к “бегству в поморы”, и многие русские северяне были “новгородцами в изгнании”. Как казаки на юге, северные изгои играли роль гвардии колонизации. Северный морской путь в XVI в. стал полем конкуренции в связи с охватившей Европу колониальной лихорадкой. Проекты северного прохода в Индию и Китай разрабатывали итальянцы, за ними англичане и голландцы. Европейские искатели следовали в Арктике уже известными поморам путями, но в описаниях предпочитали риторику откры-

тий, убеждённые в том, что “открытие” является привилегией европейцев, а прочим странам и народам надлежит быть “открываемыми”. Успешным конкурентом английской “Moscovy Company” на Русском Севере выступил дом Строгановых, превратившийся в очаг российской торгово-промышленной колонизации северных и восточных окраин. Проекты европейской колонизации Московии или её окраин остались нереализованными, но европейская угроза отозвалась московской политикой закрытых дверей в Арктике.

В эпоху средневековья Урал представлял собой “украину” нескольких метрополий, в том числе Московского царства, Ногайской орды, Казахского ханства и Сибирского ханства. Промышленная колонизация Строгановых, будучи исходно новгородской, по стилю напоминала колониальную практику английских и голландских компаний. Строгановская колония на Урале была, с одной стороны, сколком новгородской традиции, с другой – восточным форпостом Москвы, с третьей – восточной украиной, куда стекалась вольница с Русского Севера и Дикого поля. Впрочем, строгановская колония, будучи краем вольности, существенно отличалась от Дикого поля промышленной основательностью. При участии Строгановых состоялась сибирская экспедиция Ермака, завершившаяся созданием на Иртыше сибирской казачьей колонии. Колония Ермака оказалась недолговечной, тогда как синхронно созданная Богданом Барбошей казачья колония на Южном Урале просуществовала два века, до пугачёвского бунта. В антропологическом измерении колонизация Урала, включая “Сибирское взятие”, – многоголосие, в котором соучаствовали, помимо Ермака и Строгановых, сибирские царевичи и мурзы, вогульские и остяцкие князья, мятежные черемисы и зырянские торговцы-проводники. В колонизации Урала по своему развернулись все три магистрали Руси – нордизм в промышленной практике Строгановых, ордызм – в завоевательных стратегиях ханств и царств, понтизм – в миссионерстве Стефана Пермского и его последователей.

Отечественные и зарубежные историки и геополитики то с восхищением, то с недоумением обсуждают стремительное продвижение русских от Урала до Тихого океана в XVII столетии. При этом не империя осуществляла экспансию, а экспансия рождала империю. Колониальная гонка развернулась в неподходящей, казалось бы, обстановке, когда поражённое смутой Московское царство само едва не превратилось в колонию. Борис Годунов неслучайно стяжал славу виртуозного колонизатора, его указы воеводам напоминают инструкции-сценарии “острожной колонизации”. Слаженность действий воевод в годы правления Годунова сменилась разладом в период Смуты. За Смутой последовал разгул колони-

зации, в котором смешались интересы северных промышленных людей, южных казаков и олицетворявших волю центра воевод. Восточная Сибирь превратилась в “дикий восток”, где делили угоды разные партии любителей ничейных земель и ясака. Самыми неудобными для завоевания и колонизации были кочевники — как степные, так и тундровые. Экспансия российской власти вызвала рост подвижности и отход самоедов в отдалённые тундры — “бегство в оленеводы”. Не менее остро драма колонизации развернулась на другом краю Арктики — на Чукотке, где вспыхнула “столетняя война” между русскими и чукчами. Опорную роль в начале сибирской экспансии сыграли татары и зыряне, с которыми русские вступили в отношения, характеризующиеся в теории колонизации как симбиоз. Попутчиками русской колонизации оказались многие элитные кланы остяков, якутов, тунгусов, бурят, коряков, юкагиров.

В целом наблюдения за стратегиями и механизмами колонизации позволили А.В. Головнёву прийти к обобщениям, сопоставимым со своего рода теорией колонизации. При этом он настаивает на различии колонизации как универсального явления, заслуживающего всестороннего изучения, и колониализма как идеологического и геополитического конструкта, достойного критики и осуждения. Автор направляет своё внимание именно в русло научного анализа. Он предлагает расширительное понимание колонизации, подразумевая под ней не только создание новых поселений, как нередко считается, но и стратегию движения, основанную на мобильности и власти над пространством. Он показывает, что любая колонизация — не однонаправленное действие, а дорога с встречным движением, на которой может произойти “колонизация вспять”, рокировка ролей колонии и метрополии. Пересекая границы, колонизация вызывает прямой контакт народов и культур, в котором происходят социокуль-

турные взаимодействия в конкурентном и нередко продуктивном диалоге. Заслуживает внимания заключение автора о том, что колонизацию сопровождает мифология (оракулы, мифы о диковинных землях), теополитика (духовная реконкиста, заветы богоизбранности, покорения и просвещения неверных), идеология (доктрины превосходства как основание колониализма, неоколониализма, постколониализма), специальные знания (логография, картография, геополитика).

Прочтение столь насыщенного исторически образами-обобщениями сочинения в конечном счёте вызывает желание читателя-рецензента задать вопрос: а что теперь с колонизацией, коли она есть всеобщее явление человеческой эволюции? Под влиянием прочитанного можно сформулировать ряд ответов.

Как и в прошлом, колонизация, будь то блокирующая подчинённость главному партнёру, ресурсный бизнес мегакорпораций, гиганты-накопители информации или экономика цифровых платформ, и сегодня наблюдается в отношениях господства и подчинения между народами в виде империй, торгово-промышленных сетей и других форм зависимости. Как и в прошлом, колонизация многолика, и её проявления наполняют социальную реальность, включая поведение мигрантов, действия элит и даже игры детей. В этом выражается не размытость, а всеобщность феномена колонизации. Какие её формы возможны в будущем, трудно предугадать. Со стороны автора разумно, что он не поддаётся модному искушению войти в роль предсказателя.

В.А. ТИШКОВ,
академик РАН,

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия

valerytishkov@mail.ru